

Василий Лягоскин

ДОМА МЫ НЕ НУЖНЫ

Книга седьмая.
И все-таки она вертится!

Василий Лягоскин

**Дома мы не нужны. Книга
седьмая. И все-таки она вертится!**

«Издательские решения»

Лягоскин В.

Дома мы не нужны. Книга седьмая. И все-таки она вертится! /
В. Лягоскин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856550-2

Таинственные камни-ключи... новая миссия. Хватит ли у Александра Кудрявцева и его товарищей сил, выдержки и знаний, чтобы исполнить ее? Может и не хватить! Тогда на помощь придет второй полковник Кудрявцев, а потом третий и четвертый. Вместе им под силу изменить мир, в одной части которого царит вечное, безумно жаркое лето, а в другой — такая же беспощадная зима...

ISBN 978-5-44-856550-2

© Лягоскин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Полковник Кудрявцев. Двойник	6
Глава 2. Виталька Дуб, вождь русов. Жди у моря непогоды	12
Глава 3. Профессор Романов. Город двойников	18
Глава 4. Анатолий Никитин. Три тракториста, три веселых друга	24
Глава 5. Анатолий Никитин-второй. Остров в океане	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дома мы не нужны Книга седьмая. И все-таки она вертится!

Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4485-6550-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Полковник Кудрявцев. Двойник

– Я вернусь, друзья! Я обязательно вернусь!

Кудрявцев опустил руку, которую задержал на несколько мгновений, подражая жесту римских гладиаторов, и отвернулся от «Варяга». Голова сама поднялась кверху, оценивая бесконечную вереницу ступеней. А сам полковник в это время пытался понять – что же сподвигло его на этот пафосный жест, и еще более жаркое восклицание в собственной душе. Обычно он, офицер спецподразделения, был более сдержан; даже когда судьба забрасывала его в такие ловушки, откуда, казалось, не было возврата. Теперь же впереди ждала лишь неизвестность – быть может, совершенно безобидная.

– А вот это мы сейчас проверим, – усмехнулся Александр, перескакивая упругим прыжком сразу через две ступени.

Мог бы и через три, и через четыре – их высота позволяла. Но сейчас требовалась больше выносливость, умение преодолевать бесконечно длинный путь – выматывающий и тело, и душу. Впрочем, эту лестницу бесконечной назвать было нельзя. Она закончилась через шестьсот ступеней, которые Кудрявцев отсчитывал машинально.

– Двести метров, – так же машинально перевел он этот счет, отмечая высоту, на которой располагалась широкая площадка; где ветры и дожди не оставили ни единого следа пребывания живых существ.

Впрочем, гораздо надежней для подобного вторжения была невидимые эманации, окружавшие цитадель. Почему-то для полковника эта атмосфера, напугавшая до дрожи в коленках даже таких отчаянных храбрецов, как Спартак, или сержант Левин, была вполне комфортной. Более того – в чем-то даже дружественной, если не сказать родной. Последнему обстоятельству было единственное, но вполне логичное объяснение. Ее частицы были привнесены сюда, к Цитадели, орлами и тираннозаврами – в легких, в эманациях панического ужаса; быть может, в мысленных образах. Привнесены от города, который отгородился от врагов точно такой же защитой.

– А защита эта, – констатировал Александр уже без всякого пафоса, – была создана; или, скорее, придумана мной. Значит, в ней есть что-то от меня. И если ощущения меня не обманывают, значит...

Он аккуратно отстегнул шлем и откинул его на спину, готовый в доли секунды опять заключить себя в замкнутый мирок абсолютной защиты. Но вокруг все действительно буквально «дышало» дружелюбием. И он тоже вдохнул полную грудь на удивление свежего воздуха. Скорее, удивление вызвало то обстоятельство, что воздух был напоен свежестью и ароматами города; словно за спиной Александра была не огромная дверь безжизненной твердыни, а привычные двери городской цитадели. И это только подтверждало гипотезу полковника. Впрочем, это не лишило Кудрявцева осторожности и обычной внимательности. Он бросил последний взгляд вниз, на «Варяг», который словно окутывала дымка – это, наверное, защита Цитадели по-прежнему пыталась проникнуть внутрь внедорожника. Полковник невольно командовал в пространство перед собой: «Остановись; оставь их в покое!». И мир словно понял его. Облачко, окружавшее «Варяг», мгновенно растаяло, и...

– Хватит, – остановил себя Кудрявцев, – оставим эксперименты на потом. Сейчас надо идти вперед; может, там меня уже ждут?

Он повернулся к дверям, до которых было не меньше сотни метров; пошел вперед, сканируя окрестности так же внимательно, как всегда. Мысль, что окружающий мир не позволит «обидеть его», нанести даже малейший вред, уже поселилась внутри, но не изменила его жизненного кредо – «Никто не позаботится о моей безопасности лучше, чем я сам!».

Двери, ведущие внутрь громадного здания, действительно превышали все мыслимые размеры – в человеческом понятии.

– Пожалуй, – усмехнулся полковник, – в них и тираннозавр смог бы протиснуться – если бы опустил свою зубастую морду.

Через пару секунд он чертыхнулся – на очередное собственное предсказание, оказавшееся реальностью, а больше из-за тугой волны зловония, которая вполне осязаемо вырвалась наружу в двери, открывшиеся с удивительной легкостью. Резкий наклон туловища вперед Александр сделал машинально; так в моменты смертельной опасности полковник надевал без помощи рук шлем. Руки тем временем лихорадочно настраивали костюм на максимальную вентиляцию. Так что торжественного «покорения» крепости не получилось. В Цитадель Александр вошел с вполне понятной опаской – не вляпаться бы во что-нибудь ужасное, что испускало вокруг себя нестерпимую вонь. Но нет – огромный вестибюль, в мельчайших деталях повторявший такой привычный, оставшийся в городе, только многократно увеличенный – был пуст и чист. А миазмы, которые, казалось, проникали даже сквозь скафандр, поднимались снизу – из подвалов, которые (еще одно предчувствие) простирались далеко за пределы Цитадели.

– Если только неведомый архитектор спроецировал и эту часть города, – подумал Кудрявцев, – но обследовать подвалы что-то не хочется; ни сейчас, ни потом. Мы лучше наверх, на обзорную площадку, над которой так сверкает изумрудно-зеленая пирамида. Интересно, воду в нее закачать догадались? А что касается подвалов... судя по тому количеству дерьма, что скопилось там, в них до последнего времени жили те самые динозавры. Спали, ели, размножались. Может, даже мечи ковали. А еще – гадили... ну, совсем, как в логове Седой медведицы. Интересно, это совпадение что-то означает? Получается, что эти зубастые монстры сами себя лишили дома. Жалеть не буду – лучше уж спать в голой степи, чем там.

Полковник не опустил глаз к полу, под которым, как ему представлялось, многие века обитали доисторические монстры. Он внимательно изучал дверь лифта, и стену рядом с ним, которая (в отличие от такой же в городе) была гладкой и абсолютно девственной. То есть, не имела кнопки вызова лифта. Мелькнула мысль, что строители здесь соблюли лишь внешний антураж, но не скопировали сложную начинку оригинальной цитадели, обеспечивающей комфортное проживание людей. Потом вторая – что тот самый неведомый архитектор был более продвинутым, чем комендант города, Валера Ильин. Что такие грубые и неэффективные материалы, как провода, троса и пружины, необходимые для лифта, были заменены чем-то иным, а кнопки не было по случаю отсутствия необходимости... что надо просто представить себе, как дверцы открываются...

Увы – если это и было так, команда полковника Кудрявцева вряд ли бы пробилась сквозь шлем скафандра; а снять его он не решился.

– Лучше я подсчитаю, сколько ступеней здесь, – решил он после минутного раздумья, – заодно проверю, правильно ли я оценил высоту цитадели.

Ступеней на лестнице оказалось ровно полторы тысячи; Александр такой скрупулезной точности неведомых строителей цитадели не удивился. Он вообще уже был готов ничему не удивляться. Но какой-то бесенок внутри вдруг шепнул: «Погоди, то ли еще будет!». Так, чуть слышно напевая полузабытую песенку Аллы Пугачевой, полковник Кудрявцев толкнул дверцу, ведущую в здешний штаб.

– Или зал заседаний вместе с обзорной площадкой, – остановился в дверях Александр.

Посреди зала, которому исчезнувшие столетия назад строители придали размеры и внешний вид помещения, которое в родной цитадели появилось усилиями Валеры Ильина и его помощников, стоял длинный стол с четырьмя креслами. Последние располагались те же столетия попарно так, что полковник, решивший для себя, что одно из кресел «ждало» именно его, не смог сходу определить, в какое из них нужно опуститься. Впрочем, этот вопрос он

задал себе уже у первого окна, к которому скользнул стремительной плавной тенью. Сказать, что панорама неохватного пространства поразила его, он бы не решился. Все было вполне предсказуемым: бесконечные гектары площади, на которой колеса «Варяга» не оставили ни единого следа; сам внедорожник, терпеливо ждущий командира у ступеней, ведущих вверх... Самым примечательным был, пожалуй, краешек солнца, который можно было разглядеть разве что с высоты семи сотен метров от земли. Именно на такой уровень поднялся по бесчисленным ступеням Александр. Он представил себе, как чуть выше (еще на сотню метров, а может, и больше) солнечные лучи дарят свою энергию ослепительно-изумрудной верхушке цитадели.

– Маяк! – подумалось отчего-то Александру, – самый натуральный маяк. Интересно, кого еще принесет на этот сигнал?

Тот самый чертенок в душе заворочался, и хихикнул: «Жди! Обязательно принесет!». Он двинулся по периметру зала; от одного гигантского окна к другому, цепко обозревая окрестности – начиная от самого края их, терявшегося в сумраке тем сильнее, чем дальше Кудрявцев отходил от залитой солнечными лучами стороны, до подножия цитадели. Полковник едва не пропустил крошечное пятно, что сверкнуло далеко впереди – как раз в то мгновение, когда краешек солнца «уперся» в его затылок сзади. Это пятно висело, или парило в воздухе – так высоко, что до него доставали солнечные лучи.

– Значит, – определил Кудрявцев, – этот шар поднялся на высоту не меньше километра.

Почему он принял неведомый объект за шар? Полковник не успел ответить на этот вопрос – взгляд, скользнувший к подножию Цитадели параллельно этой мысли, наткнулся на объект, который поразила его гораздо сильнее, чем едва заметное яркое пятно; хотя его вид был знаком Александру в мельчайших подробностях. У ступеней, здесь погруженных в полусумрак, стоял «Варяг»! Тело рванулось к противоположному окну само, опережая команду, которую с опозданием подал пораженный мозг. А потом – еще стремительней – назад; чтобы убедиться – «Варягов» действительно было два! Чертенок в душе довольно хихикнул, и подтвердил, опять строкой из шлягера Примадонны: «То ли еще будет, ой-ой-ой!».

Полковник больше подпевать не стал. Смятенные было мысли потекли в привычном (критичном, и вполне спокойном) русле. Подселившемуся беспардонно чертенку, в котором он наконец-то опознал собственный пророческий дар, он подмигнул, и даже ответил; вполголоса:

– Ну, что ж, подождем. Хотя бы... вот здесь.

Теперь все внимание Кудрявцева было обращено к столу. Четыре кресла были совершенно одинаковы, но рабочие места перед ними, на первый взгляд, тоже не отличавшиеся друг от друга, все же имели различия. Впрочем, «рабочие» – было сказано слишком громко. На самом деле столешница перед креслами была девственно пустой, если не считать каких-то углублений, явно ждущих своего часа уже целые столетия. Сама собой пришла еще одна мысль; точнее, воспоминание – слова Анатолия – что артефакты аборигенов, камни-ключи, где-то ждут замки. И единственным объяснением волшебному числу «семь», которое напоминало о себе перед каждым креслом вполне подходящими под ключи отверстиями в столешнице, был тот факт, что в нагрудном кармане полковника ждали своего часа (и дождались!) именно столько камней.

Александр, прежде чем занять одно из кресел за столом, на мгновение замер, а потом медленно стянул с головы шлем. Задерживать дыхание не пришлось. Воздух в помещении был чист и свеж. Может, удушливые волны из подвалов Цитадели не доставали до ее верхних этажей, а может, именно эта комната, несомненно, самая важная часть громадной твердыни, была защищена лучше всех остальных... в том числе и от гнусных запахов. Один за другим камни, чье зашифрованное содержание было надежно зафиксировано в памяти полковника, оказывались на столешнице – как раз напротив гнезд, осветившихся чуть заметным желтым цветом. Другие «замки» тоже проявили свой цвет. Или это было вызвано самовнушением Александра?

– Нет! – подтвердил он правоту собственного зрения, – эти «замки» действительно отличаются от моих – не только цветом, но и своим внутренним содержанием; тем набором информации, которая ждет, не дожидаясь второй половины в виде ключей. Интересно – подойдут ли эти ключи цветом так же, как мои? Точнее ключи прибрежных племен. Недаром еще Анатолий в пещере русов отметил, что эти алмазы имеют желтоватый оттенок; словно они несут в себе лучи никогда не заходящего солнца.

Теперь Александр действительно воспринимал эти семь камней как осколки солнца. Чем обернутся другие ключи? Те, которые подойдут для гнезд изумрудно-синего цвета, из которых ощутимо потянуло прохладным ветерком, наполненным запахами соли, свежельвленной рыбы, и многого другого, без чего невозможно представить себе моря? Или другой группы гнезд, ожидавших своего часа напротив желтых, уже готовых принять в себя «солнечные ключи»? Из этих серо-коричневых отверстий дохнуло болотным смрадом, и ожиданием чего-то ужасного, и в то же время бессильного, заточенного в надежной клетке. Четвертая семерка «замков» была мрачно-черной. Она ничем не пахла; от нее лишь тянуло неотвратимостью вселенского конца... если только...

– Если только, – улыбнулся Александр, остановивший первый камень над гнездом, – в дело не вмешается полковник Кудрявцев. Я, или... вот он!

Дверь в кабинет бесшумно распахнулась, и на пороге остановился человек, заключенный в непробиваемую пластиковую броню, каждый квадратный сантиметр которой был хорошо знаком Кудрявцеву. Потому что точно такая же ладно облегла самого полковника, который чуть привстал с кресла, и махнул рукой в сторону другого, на противоположную сторону стола. Вошедший в помещение незнакомец свой шлем стянул с головы на ходу. Александр улыбнулся еще шире. Внутренне он был готов к тому, что сейчас перед ним предстанет копия; двойник, в котором различий от него, оригинала, не смог бы найти даже специалист по генетике.

Разница была в одном – второй «полковник Кудрявцев» не успел оббежать окна по периметру комнаты, и не видел второго «Варяга». И теперь с его лица никак не желало сойти выражение искреннего изумления, если не замешательства. Впрочем, Александр хорошо знал себя, а значит, и свой дубль (который, наверное, посчитал дублем именно его); предположил, что это замешательство продлится не дольше нескольких мгновений. Точнее – сменится обычной невозмутимостью и готовностью к действию раньше, чем это действие нужно будет воплотить. И действительно – вошедший полковник Кудрявцев улыбнулся ему так же оценивающе и хладнокровно еще до того, как кресло, на которое показал ему Александр, сдвинулось ровно на столько, чтобы человек внушительных габаритов свободно занял место за столом.

Еще одна пауза понадобилась для того, чтобы два командира внимательно изучили лица напротив, а потом удовлетворенно кивнули; практически синхронно. Им обоим не надо было объяснять, что означал этот кивок – и завершение процедуры знакомства, и (главное) осознание того, что широкая столешница разделяет двух разных людей. Наверное, только они сами («Ну, может быть, еще Оксана!»), – подумал, и прочел такую же мысль в глазах визави Кудрявцев) смогли бы распознать те мельчайшие различия, что привнесли в лица людей события последних месяцев. Впрочем, были и вполне заметные изменения.

– Где это ты так загорел? – первым задал вопрос Кудрявцев-два, заставив первого улыбнуться еще шире.

Не от вопроса, а от этих самых приставок «один» и «два». Эту проблему он и предложил решить прежде, чем ответить на прямой вопрос, не имевший, как казалось, никакого отношения к такой знаменательной встрече.

– Предлагаю как-то обозначить нас, товарищ полковник, – кивнул он, резонно рассудив, что сидящий напротив человек появился в этом мире в тот самый миг, когда лицо Спящего бога разлетелось на куски в земном небе, – я человек скромный. Для своих просто Александр.

Полковник напротив рассмеялся:

– Ну, раз место скромника уже занято, согласен на Александра Николаевича. Так что насчет загара?

Александр такую настойчивость объяснил себе несколько нездоровым оттенком лица Александра Николаевича; искусственностью его загара. Он махнул рукой влево – туда, где в широкое окно по-прежнему вливались лучи не такого жаркого здесь солнца:

– Там, куда нас забросила последняя «шутка» Спящего бога (Александр Николаевич при этом понимающе улыбнулся) это солнце никогда не заходит. И жарит так, что... в общем, мы в первые же минуты едва не потеряли половину населения города. От солнечного удара. Хорошо, Света Левина не растерялась...

Улыбка на лице второго Кудрявцева потускнела, а потом исчезла совсем. Вместо нее сквозь побелевшие от внутреннего напряжения губы вырвались ужасные слова:

– А мы не успели... три десятка товарищей болотный гнус выпил. Досуха...

Лицо Александра становилось не менее страшным и безжизненным – по мере того, как в ставшем неестественно густым воздухе звучали одно за другим такие родные имена. И хотя он точно знал – все они в его городе живы, здоровы, и ждут его возвращения с добрыми вестями – сейчас он переживал гибель товарищей вместе с двойником. А может, еще острее – ведь тот уже сумел побороть свою боль, напластал на нее события, которые мало чем радовали и аборигенов, и неожиданных гостей мира гиблых болот.

– Ну, теперь там от болот мало что осталось, – усмехнулся, наконец, Александр Николаевич, – разве что в памяти осколков римского племени. Да их детишек, с которыми пока не знаю, что делать.

– Зато я знаю! – воскликнул Кудрявцев-первый, усилием воли загоняя боль внутрь собственного сердца, – очень даже хорошо знаю! Потому что одну такую проблему мы уже решили!

– Рассказывай, – Кудрявцев-второй вскочил на ноги и рявкнул таким командно-непрекаемым голосом, что Александр невольно вспомнил те времена, когда был зеленым курсантом-новобранцем Ташкентского училища.

Вот так же он вскакивал, когда ротный старшина ожесточенно орал, явно наслаждаясь своей властью над вчерашними школьниками:

– Рота, подъем! Сорок пять секунд...

Александр Николаевич, очевидно, тоже вспомнил то благословенное время. Он расхохотался; но напряженный огонек в глазах не погас. И Кудрявцев принялся рассказывать о перипетиях появления в этом мире ЕГО города; о жестоком солнце, и об аборигенах, приноровившихся к этому неизбежному злу. Второй полковник, вновь, вслед за Александром, севший в свое кресло, переживал и кровавую драму в городе, и беды аборигенов с совершенно невозмутимым лицом. Но своего двойника он обмануть не мог; теперь в его сердце невидимыми шрамами откладывалась вся боль и страдания, что так скрывал от своих товарищей полковник Кудрявцев-первый. Впрочем, он не смог сдержать своего нетерпения, и даже восторга, когда Александр приступил, наконец, к описанию ритуала Магии смерти. Казалось, он сейчас опять вскочит, и увлечет двойника вниз, к своему «Варягу», и дальше – к огромному шару, в котором поместился целый мир Города, с единственным приказом:

– Быстрее! Показывай быстрее, куда надо лететь, чтобы провести еще один ритуал; теперь с римскими детишками.

Два взгляда вдруг метнулись вниз – к Камням, разложенным перед гнездами. Артефакты словно тоже уловили то желание полковника бросить все, и умчаться к неведомому побережью... Они вдруг замерцали; теперь не только далекое солнце, но и его семь крошечных осколков разгоняли полутьму в комнате. Рука Александра Николаевича словно сама потянулась к внутреннему карману. Один за другим напротив солнечных камней выстроились семь дру-

гих – невзрачных, коричневых; но тоже несущих в себе необходимую информацию. Это Александр почувствовал, даже не взяв их в руки.

Александр Николаевич первым решил примерить ключи к замку; вернее – к замкам, которых всего на столешнице было двадцать восемь. Ровно половину из них заполнили Камни. По двум рядам артефактов, едва торчащих на столешнице, стремительно пробежали огоньки. Словно какой-то невидимый музыкант пытался настроить инструмент, способный одарить мир волшебной музыкой. Увы – настроить «инструмент», в котором не было половины «струн», или других важных частей, было невозможно. Это Александры почувствовали по раздавшемуся в их душах чуть разочарованному вздоху. Словно целая планета, набравшая миллионы лет этот поток воздуха, осторожно выпустила часть его; в великом нетерпении. Полковники понимающе переглянулись. Два ряда темнеющих пустых гнезд говорили сами за себя. Первым рассмеялся Александр Николаевич:

– И как мы будем называть их; наших тройников, и... черт – не знаю, как обозначить четвертого!?

Он ткнул пальцем в отверстия, откуда выбивались чуть заметные лучи цвета морской волны; потом остановил руку над черными гнездами. Последние словно вбирали неяркий свет внутрь себя, и улыбка Александра Николаевича растаяла – будто тоже провалилась в эти гнезда.

– Не завидую тому полковнику Кудрявцеву, который сейчас живет в подобной тьме, – подтвердил его опасения Александр, – думаю, на помощь ему, и всему городу надо спешить в первую очередь. Тебе спешить, Александр Николаевич. Ваш шар побыстрее нашего «Варяга» будет.

– А дети? – чуть растерялся полковник-второй.

– А детей мы заберем с собой. Пусть это будет чуть подольше, но зато надежней.

Александр Николаевич вскинул голову с немим вопросом.

– Потому что еще надо будет уговорить Витальку, вождя русов, и других вождей провести ритуал. Не уверен, что тебе удастся это сделать.

– А тебе?

Этот вопрос заключал в себе второй: «Неужели аборигены смогут различить нас? Неужели я не смогу подменить тебя на побережье?».

– Я попробую. Нет – я постараюсь!

Ответ тоже был с подтекстом, значения которого Александру Николаевичу объяснять не требовалось. Об изумительном чутье дикарей он и сам знал; просто сейчас его толкало вперед, к побережью, отцовское чувство, которое он невольно перенес на маленьких римлян.

Александру такие чувства не были чужды; по мере рассказа Кудрявцева-второго он погружался в жизнь города, рухнувшего в болота, и это, как предполагали оба, могло создать какие-то проблемы. Он вдруг рассмеялся, вызвав у двойника недоумение:

– Это я представил себе встречу двух Анатолиев, – объяснил он свое неожиданное веселье.

Кудрявцев-двойник его смеха не поддержал; напротив, нахмурил лоб:

– Ты лучше представь, как встретятся две Оксаны!

Александр быстро прогнал в голове разные варианты такой встречи; решил, что проводить такой эксперимент надо исподволь, подготовив обеих израильтянок к сюрпризу. Потом перед глазами пронеслась целая вереница лиц; в основном женских, отличающихся изрядной ревностью. Конечно, никаких поводов для проявления таких острых чувств никто давать не собирался, но женщины...

Полковники понимающе переглянулись, и приступили к разработке плана поисков еще двух Александров Николаевичей Кудрявцевых; с учетом всех сопутствующих неожиданностей – приятных и не очень...

Глава 2. Виталька Дуб, вождь русов. Жди у моря непогоды

Весь мир племен издревле составляли несколько нерушимых частей – солнце, небо, горы с пещерами, необъятный океан. Здесь они жили, и здесь же черпали силы и неутомимую энергию. А еще – эти части приносили в жизнь ту необходимую частицу непредсказуемости, без которой жить было бы скучно, и неинтересно.

– Сюрпризы – как сказал бы Товарищ Полковник, – улыбнулся Виталька.

Он довольно оглянулся, обозревая внутренности самой постоянной из частей родного мира – племенной пещеры.

– Нет, – поправил он себя, – самое постоянное – это солнце. Даже в самый жестокий ураган оно есть. Там, за тучами. Ждет. Чтобы снова показать, кто главный в этом мире. Небо? Оно тоже предсказуемо. Его «сюрпризы» предсказуемы. Стада, несущие нам мясо и молоко бешеных коров. Дожди, которые питают источники в самых глубоких пещерах. Что еще? Так – по мелочам, как сказал бы друг Толька из Города. Но больше всего сюрпризов дает океан. Особенно после шторма.

Мысли вождя, неспешно текущие в его голове, когда-то принадлежавшей отцу Витальке-старшему, а сейчас одарившей ласковыми взглядами жену, возившуюся в углу пещеры с ребенком, остановились. Именно на этом слове. Потому что за толщей камней действительно завывал, отдавая последние силы, свирепый шторм. Почему последние? Виталька и сам бы не смог сказать, что позволяет определять ему, как стихия, прежде полная сил, ревет подобно раненому зверю, и теряет кровь и саму жизнь.

– Теперь, – решил он, – осталось не больше одной руки малых кругов, и можно будет выходить наружу. Идти к берегу океана, и искать под ногами сюрпризы. Если их раньше не найдут мальчишки.

Он усмехнулся – вспомнил собственное детство; тот волнующий миг, когда вместе с Толькой, будущим Трактористом, нашли в глубокой луже, образованной очередным штормом, страшное чудовище с пучком длинных щупалец, которые угрожающе шевелились. А еще у этого чудовища-недоростка был единственный глаз, из которого на пацанов брызнуло свирепостью, и безысходностью. Виталька тогда пожалел это чудо; вместе с дружкой, с Толькой, перетащил упругое тело морского гада в океан. Он даже сейчас, сквозь годы, был уверен, что детеныш чудовища сверкнул напоследок своим черным взглядом, и махнул самой длинной беспалой «рукой». В приветствии, и с благодарностью. И с обещанием: «Я обязательно расплачусь!».

От последнего Виталька, конечно же, сразу же открестился. От такого существа он не ожидал никакой благодарности. То, что он сам, или кто-то из близких окажется в открытом океане, где, собственно, и могла понадобиться помощь спрута, вождь не хотел даже представлять. Потому что издревле всем было понятно: океан – это смерть; более ужасная, чем в нутре подземного червяка, или от передоза молока бешеной коровы. Виталька непроизвольно потянулся всем телом, и блаженно прищурился. На губах словно полыхнуло огнем – это он вспомнил те редкие случаи, когда древние ритуалы разрешали использовать «огненное зелье». Во всех остальных случаях злоупотребление напитком, которое уносило в мир волшебных грез, а потом жестоко мстило непреходящей головной болью и жестокой ломотой в суставах, было под запретом. Табу. Скорее всего, потому, что любители тайком приобщиться к запретному питью уже не могли избавиться от пагубной привычки. Однако таких в племени было немного. На памяти самого Витальки не больше, чем пальцев на одной руке.

Вождь даже не захотел утруждать памяти именами изгоев. Потому что эти несчастные изгонялись из племени. Насовсем. Вместе с памятью. Не так было в других племенах. Те же еврогеи и африканы питье молока возвели в культ; создали даже отдельные ритуалы. И еще насмехались над русами, которые отказывали себе в «маленьких радостях жизни».

– Потому, и отказываем, – усмехались обычно на это и сам Виталька, и его соплеменники, – что у нас есть в жизни Цель. Великая.

Теперь же вождь глубоко вздохнул. Не случайно. Вопрос: «Можно ли считать, что Цель достигнута? Что его предки не зря положили жизни на строительство „Капутов“, и путешествия в один конец?». Для себя он определил ответ так:

– Цель пока не достигнута. Но племя передало свою миссию в руки гораздо более надежные и умелые. В руки Товарища Полковника. А он обещал. И свое обещание должен исполнить. Потому что иначе все, чем издревле жило племя русов – бесполезно и никчемно!

Виталька вскочил на ноги – не от этой тяжелой мысли, а от ощущения легкости, что вдруг заполнило сильное тело. Так обычно приходило понимание – шторм отступил; пришла пора покинуть пещеры, и спешить на берег. Туда, где океан еще продолжал волноваться, и выбрасывать на камни те самые «сюрпризы». Побережье встретило его разрывом в тучах, в который тут же брызнули жаркие лучи незаходящего солнца. Картина была привычной: блестящие от влаги камни; кучи водорослей и каких-то коряг, выброшенных волнами на берег; переполненные водой ямы, которые племена специально вырыли в качестве ловушек для морских обитателей.

Русы владели самыми глубокими и добычливыми ямами. Не удивительно – ведь для таких работ они использовали специальные инструменты, рожденные фантазиями и мастерством поколений Трактористов. А теперь и еще более удивительными механизмами, которыми их наделили новые союзники.

Взгляд Витальки остановился на самой дальней яме, граничащей с участком соседнего племени, с неандерталами. Последние пока не показались из своих пещер, и это было хорошо. Потому что вождь сейчас вспомнил, как часто эти волосатые длиннорукие соседи пытались поживиться чужим добром. Добром, которым поделился океан. В яме, как показалось вождю, действительно что-то тяжело ворочалось. Он поспешил туда, не оглядываясь на тяжелое дыхание соплеменников. Первым, конечно же, ковылял старый Тракторист. Виталька вдруг вспомнил о своих размышлениях в пещере; о молоке бешеных коров. Толька, лишившийся своей главной цели в жизни – передачи наследнику знаний о строительстве очередного «Железного капута», мог сорваться; пристраститься к зелью.

– А может, уже попробовал, – вождь подосадовал на собственную невнимательность.

Долгие круги, что племя провело, не выходя из пещер под буйные порывы шторма, он ни разу не видел Тракториста. Теперь же его словно настигало облако знакомого, и такого желанного аромата. Кто, кроме Тольки, второго лица в племени, имел доступ к пещере, где хранились запасы молока? Только он сам, вождь. Но Виталька провалами в памяти не страдал. В закрытую пещеру не заходил с того круга, когда собравшиеся вместе племена провели Ритуал Смерти. Первый на памяти Витальки. И последний – как он надеялся.

Нестерпимое желание обернуться, проверить самые мрачные предположения, смыло как штормом, или океанской водой, когда вождь остановился у края глубокой ямы, и увидел что... вернее, кто ждет его в бурлившей до сих пор воде. Так же, как в далеком детстве, его встретил бесстрастный блеск единственного глаза чудовища. Того самого, спасенного по какому-то наитию. Морской монстр подрос; теперь его не то что два пацана; два взрослых руса вряд ли вытянули бы из ямы. Но это был он! Точно он! Виталька ни на мгновение не усомнился в этом. А еще он прочел в огромном зрачке напоминание о давнем обещании: «Помнишь, я обещал вернуться?».

– Помню! – едва не выкрикнул вождь.

– Ну и дела, – рядом остановился Тракторист; остальные подойти поближе остереглись, – сдается мне, что это тот самый недоросток, которого мы уже один раз спасли. А что он прячет в своих лапах?

Лап, в привычном понимании, у монстра не было. Но то скопище щупалец, что непрерывно шевелилось, и вполне могло дотянуться до двух товарищей на краю ямы, действительно скрывало внутри себя что-то продолговатое, размерами вполне сходное с... человеком!

– Человек! – выдохнули оба руса, и чудовище словно поняло их.

Или восприняло слитный возглас как команду. Длинные щупальца протянулись вперед, и уложили явно бессознательного (а может, давно уже мертвого человека) прямо к ногам вождя. Положила лицом вниз, так что узнать его сразу Виталька не смог. Разве что понял, как и Толька, и другие русы, отхлынувшие было живой волной, а потом шагнувшие вперед, как только монстр подтянул к своему безобразному туловищу страшные щупальца – незнакомец жив. Он вдруг затрясся всем телом, и попытался приподняться на руках, исторгнув вниз потоки воды. Может, от пропитавшейся морской влагой одежды, удивительно похожего на те, в каких когда-то встретили русов их новые друзья из города. А может – изо рта наглотавшегося воды человека. Вождь почему-то замешкался, и тракторист первым наклонился над жертвой океанской стихии, чтобы помочь тому повернуться лицом кверху. А потом – отпрянуть с громким возгласом, каким в племенах не было принято выражаться в присутствии детей. Последних, кстати, набежало уже немало; пожалуй, все пацаны русов, более храбрые и безрассудные, чем взрослые, сейчас толпились за спиной вождя, не решаясь переступить невидимой черты, которая всегда отделяла Витальку, и его предков от остальных соплеменников.

Но этот негласный запрет едва не был нарушен, когда мальчишки загалдели, и принялись возбужденно скакать на месте. И было отчего! На камнях лежал, и хлопал глазами, посиневший от долгого пребывания в воде, начавший икать (от того же переохлаждения, или нервного потрясения) ... Толька Тракторист. Не такой крупный, с затравленным выражением лица (чего Тракторист себе никогда не позволял), но вполне узнаваемый. Еще вернее его было бы назвать копией того Тольки, которого вождь видел в Городе. Там русы и их копии инстинктивно старались пореже сталкиваться. Почему? Ответа не было. Было только понимание – это правильно. Но теперь, от этого незнакомца, отвернуться было невозможно. И Виталька нагнулся, протянул спасенному монстром человеку ладонь: «Вставай, брат!».

В том, что морское чудовище спасло незнакомца не случайно; что именно поразительное сходство его с одним из спасителей послужило столь невероятному событию, сомнений у Витальки не было. Как и у Тракториста, кстати. Потому что Толька, подхвативший незнакомца с другой стороны, чуть слышно проворчал, действительно обдав вождя облаком паров молока бешеной коровы:

– Интересно, а твоего двойника там не было?

Спасенный, черты лица которого под жаркими лучами солнца разглаживались, и заполнялись румянцем, дернулся в крепких руках двух гигантов и прохрипел, явно в великом возбуждении:

– Русские! Вы говорите по-русски?!

– Мое племя называет себя русами, – подтвердил, или поправил его вождь.

Он отпустил руки от вполне утвердившегося на ногах незнакомца, и отступил на пару шагов, чтобы окинуть его взглядом с головы до ног, и представился:

– Я – Виталька Дуб, вождь русов. Прежде, чем проводить тебя в пещеру, хочу узнать – как здоровье друга и старшего брата моего, Товарища Полковника?

– Товарищ полковник... Александр Николаевич... – лицо человека, спасенного морским чудовищем, расплылось в мечтательной улыбке, – что вы знаете о командире? Где он? Жив?

Виталька несколько удивился. Это он первым спросил о вожде Города; больше из вежливости; представить себе, что кто-то, или что-то может навредить Товарищу Полковнику,

– Откуда?

Чувство ответственности Вождя перед племенем никуда не исчезало; оно лишь на несколько мгновения отступило, убаюканное магией королевы жидовок-амазонок. Теперь же оно заставило обеспокоенно метнуть взгляд кверху, где над океаном исчезали последние тучки. Именно оттуда чаще всего беды обрушивались на побережье. А что мог принести с собой еще один двойник? Виталька даже передернул в ознобе плечами – вспомнил, как сразу нескольких пришельцев из Города подвергли испытанию Магией Смерти, изгоняя из них злые существа.

– Нет! – улыбнулась Бэйла, явно уловившая тревогу Вождя, – смотри сюда.

Теперь ее пальчик указывал на горную тропу, что единственная позволяла с относительной легкостью вырваться из кольца гор, окружавших побережье, в бескрайние степи. Виталька уже два раза проделал этот путь; в первый раз вверх по горному серпантину, отправляясь в поход на «Железном капуте». Второй раз вниз, с остановкой на площадке, с которой так удобно было выстрелить из пушки «Капута» по Вождям, посмевающим нарушить законы Племен.

– Три раза, – поправил себя Вождь, считая еще и поход отца, в чьем теле он сейчас стоял перед своим, и другими Племенами.

Он нашел взглядом «Железный капут». Металлический памятник мужеству десятков поколений русов выглядел сейчас самым могучим творением бытия. Даже рядом со скалистыми кручами, на которых, наверное, до конца не выветрились следы его гусениц. И рядом с океаном. Но не рядом...

На ту самую вершину, где заканчивалась извилистая горная дорога, вдруг начало наползать что-то огромное, никогда не виданное прежде никем из племен. Настолько огромное, что тень от него поползла вниз по скалам, заполняя собой все обозримое пространство. Она безмолвно обрушивалась на побережье, быстро подступая к входам в пещеры; прежде всего убежища русов.

За спиной испуганно ойкнула жена; еще громче охнул бывший вождь еврогеев. Виталька лишь презрительно усмехнулся, глядя, как Жюлька бросился к своей пещере, до входа в которую еще не добралась тень. Этот тощий ублюдок, в последнее время прятанный за спинами соплеменников, сейчас своим торопливым бегом, по-настоящему смешными прыжками по камням заразил паникой свое племя; потом и всех остальных, бросившихся россыпью к родовым укрытиям.

– Кроме русов, – Виталька с гордостью обвел взглядом свое племя, в котором сейчас выдвинулись вперед могучие мужчины; прежде всего Тракторист Толька, – ну, и амазонки тоже.

Последним бежать не было никакой необходимости. Они и так толпились за спиной своей королевы прямо у входа в родовую пещеру. Но и здесь они выказали нешуточную храбрость.

– По сравнению с остальными, конечно же, – Виталька еще раз с любовью и гордостью окинул взглядом соплеменников, теперь остановившись на жене.

По застывшей женской фигурке с малым дитем на руках было видно – она до дрожи боится этой летающей горы, заполнившей собой уже половину обитаемой долины. Боится, но не опускает головы, не закрывает глаз, готовая встретить опасность рядом с мужем. А опасность, между тем, была вполне осязаемой. Прежде всего натянутыми до предела нервами – когда каменная громада над головами заполнила собой весь небосвод. Опустись она сейчас вниз, на долину; что осталось бы от племени русов, и амазонок?

Виталька такого вопроса задавать не стал ни соплеменникам, ни себе самому. Вопрос задал организм, заставивший покрыться крупным потом, а потом с облегчением выпустивший изо рта задержанный надолго в легких воздух. После того, как Вождь убедился – каменная громадина не собиралась опуститься на долину Племен. Она поплыла дальше – туда, где пространство между скалами и бешено рвущимся на берег прибоем было усыпано громадными

валунами. Усыпано так часто, что между ними было удобно играть в прятки мальчишкам, но не жить.

Медленно; очень медленно для восприятия людей, уже готовых к мучительной смерти, а на самом деле достаточно быстро летающая каменная туча проплыла над крайней пещерой, где с изначальных времен жили амазонки, и опустилась в Долине камней. Теперь там был один камень, зато какой! Вождю даже показалось, что он расслышал хруст валунов, стираемых в порошок под гигантским весом летающей громадины. И тут же рядом изумленно, и еще более восторженно вскрикнул Толька-из-океана:

– Наши!

Вождь и сам едва сдержал в груди ликующий крик: «Город!». Вот так же, с изумлением, граничащим с мистическим ужасом, он когда-то разглядывал жилище новых друзей в степи. Большую часть обиталища пришельцев не было видно из-за чудовищно толстой плиты, на которой покоились все постройки. Но его центральная часть, которую Товарищ Полковник называл Цитаделью, сверкала на солнце своей ярко-зеленой маковкой. Город сам прилетел к нему; ко всем – вместе, как он надеялся, с Товарищем Полковником, его женой колдуньей Оксаной, мудрым прохвесором и многими другими, кого он искренне считал друзьями.

– И с еще одним Толькой, – буркнула рядом Бэйла; она словно читала его мысли.

А Город, между тем, немного приподнялся, будто прилаживаясь поудобнее на жестком каменном ложе, и окончательно замер. Все вокруг тоже уподобилось тем самым валунам; неподвижным, вросшим за столетия в грунт, и никак не ожидавшим, что их покой будет грубо и безвозвратно нарушен подобным образом.

Наконец в тяжелом основании, высоту которого Виталька оценил не меньше, чем в две руки собственных ростов, что-то изменилась. Посреди той стороны, что была обращена к Долине Племен, народилась практически неприметная глазу трещина; точнее несколько их, быстро выросших в единый глубокий провал, из тьмы которого практически к подножию крайней в Долине скалы выскочил, и замер «Варяг». Вождь не стал оглядываться, сравнивать свой «Железный капут» с этим многоколесным экипажем, задранным стволы своих грозных орудий к небу. Потому что знал – ничего лучше и роднее, чем его неуклюжий танк, созданный целым поколением русов, нет и быть не может. Что бы не подсказывал здравый смысл.

«Варяг» тоже выдержал паузу, так же, как прежде громадина городского монолита. А потом распахнулись сразу две передние дверцы, и Виталька с радостью узнал в фигуре, выскочившей из левой двери, и закованный в обычный городской «камуфляж», Товарища Полковника.

Глава 3. Профессор Романов. Город двойников

Алексей Александрович уже давно – в первые дни их беспримерной эпопеи вблизи пролива Баб-эль-Мандеб – дал себе слово ничему не удивляться. Даже здесь, в этом новом мире; мире безжалостного солнца, летающих баранов и коров, и почти разумных доисторических ящеров, он вполне спокойно воспринял появление двойников Виталика Дубова, Анатолия Никитина, и многих-многих других. Не было в поселении аборигенов, прозябавших на узкой прибрежной полосе, лишь «его самого», да копий четы Кудрявцевых. И это, как не странно, заполнило его какой-то мальчишеской гордостью. Этого мальчишку, проснувшегося вдруг в душе почтенного профессора лингвистики, так и подмывало выскочить наружу, и завопить на весь город:

– Смотрите, люди, и завидуйте – я, как и Александр Николаевич, как Оксана, исключение из правил! Не означает ли это?...

– Ничего это не означает, – жестко, хотя и достаточно вежливо прервал нить его рассуждений Кудрявцев, – если ты думаешь, что именно мы стояли у истоков этого безобразия (он показал на большой экран, где под камерами наблюдения в изолированном ангаре азартно «болели» за мультяшную мышку аборигены), и почему-то не стали копировать самого себя, то... вот запомни мои слова – история, в которую мы вляпались благодаря сакраментальным словам: «Никому я не нужен в этом мире!», еще не одну подлянку нам устроит. Ну, или просто удивит, если тебе так больше нравится.

В устах полковника Кудрявцева словосочетание: «Запомни мои слова», – прозвучали пророчеством. И вот сейчас это пророчество сбывалось...

Алексей Александрович, конечно же, заметил, что лицо полковника Кудрявцева, вернувшегося из похода в Цитадель, скрывало за обычной невозмутимостью какую-то тайну. Больше того – добрую иронию, которой командир не спешил поделиться. Сунувшегося к нему Анатолия полковник одернул; не строго, но достаточно решительно. Так, что бывший тракторист послушно вернулся на свое место за рулем «Варяга», и круто вывернул его (руль), направляя верный внедорожник от Цитадели – по своему следу, который, впрочем, на идеально ровной и чистой поверхности необозримой площадки разглядеть было проблематично.

– Но это для меня, непрофессионала, – не стал утруждать зрения Алексей Александрович, – а Толик; тем более Александр Николаевич что-то видят. А скорее, Никитин просто рулит прямо на солнце; так же, как недавно мы подкрадывались к Цитадели, догоняя свою тень.

Теперь «Варяг» мчался, выжимая из двигателей максимум мощности, что таилась в них. А было этой мощности...

– Еще и нетерпения, – усмехнулся профессор, – ощущая, как в его груди подобное чувство расцветает буйным цветом, и грозит вырваться наружу.

Как у Анатолия, и Бори Левина со Светланой, которые подпирали своими могучими плечами железные косяки дверной коробки, что вела в салон, и сейчас была настезь открыта. Кудрявцев это ожидание, конечно же, ощущал. Но на безмолвные вопросы, что застыли в глазах товарищей, лишь загадочно усмехался; потом, через полтора часа непрерывной гонки, в которой он изображал сон человека, уставшего от долгого подъема и спуска по бесчисленным ступеням твердыни («Конечно же, притворяется, – решил сидевший рядом Романов, прислушиваясь в ровному дыханию командира, – хотя кто его знает?!»), полковник, наконец, смилостивился. Он глубоко вздохнул, открывая глаза; картинно зевнул, даже не попытавшись прикрыть рот ладонью, и заявил:

– Расскажу все. Но чуть попозже – в более комфортных условиях.

– Каких?! – невольно вылетело из самого нутра профессора.

Командир хитро улыбнулся, а потом, сложив правую руку козырьком над глазами – словно далекое солнце, точно на которое правил Никитин, могло обжечь своими лучами сквозь огромное лобовое стекло-хамелеон «Варяга» – ткнул перед собой левой:

– Вон там!

Профессор едва не вскрикнул; Анатолий рядом не выдержал, и коротко матюгнулся. И было отчего! Прямо по курсу на гладкое поле опускался огромный, сверкающий на солнце шар.

– Это уже не площадка, а степь, – поправил его Кудрявцев, словно прочитавший его мысль, – как мы лихо назад промчались. Молодец, Анатолий!

Тракторист выпрямился в сидении, явно гордый нечастой похвалой командира. Но глаз от неведомого объекта он не спускал; а потом притормозил – у самого края площадки; там, где ее серая несокрушимая поверхность сменялась буйными красками трав мандаринового цвета разной степени насыщенности.

– Пожалуй, – Алексей Александрович невольно обратил общее внимание на это буйство, – она тут растет всегда; не зная ни зимы, ни весны с осенью. Мир вечного лета – вот куда мы попали.

Он еще и погордился собой: впереди уже утвердился на мощных коленчатых «ногах» летающий объект из фильмов о пришельцах, а он позволяет себе отвлечься на что-то постороннее, привычное. Анатолий проворчал что-то невнятное, явно намекая на то, что профессор сейчас озвучил очевидное, и не раз обсужденное. А Кудрявцев с другой стороны от Романова рассмеялся совсем по другой причине.

– Вот тут ты ошибаешься, Алексей Александрович, – сказал он, явно позволяя экипажу «Варяга» свикнуться с фантастической картинкой, – мы просто не доехали до мест, где навсегда задержались милые твоему сердцу весна и осень; и зима тоже. Последняя – я так полагаю – начинается там, где до поверхности земли не достают даже отблески солнца. А вот эти ребята (он опять ткнул рукой перед собой), как раз прилетели из мест, где никогда не кончается дождь. Могу попросить их, Алексей Александрович, взять тебя с собой. Оценишь, где жизнь проще и комфортней – в нашей степи, или в болотах, где хватает своих чудищ.

– Ну, наших летающих монстров, да подземных червяков никто не переплюнет по части кровожадности! – с оттенком гордости воскликнул тракторист.

– Не скажи, Анатолий, – помрачнел командир, – рули прямо на этот «шарик», там тебе расскажут, какие твари водятся... водились в местных болотах. А есть ведь места, о которых мы пока ничего не знаем.

– И куда нам придется идти в разведку! – догадался Романов.

– Да, – кивнул командир, – или на помощь...

Шар, между тем, занимал уже весь горизонт, поражая своими гигантскими размерами.

– Пожалуй, он повыше Цитадели будет, – Никитин махнул рукой назад, не оборачиваясь.

– Выше, – подтвердил командир, на лице которого окончательно утвердилось чуть ироничная улыбка, – Цитадель высотой чуть больше семисот метров. Проверено... вот этими ногами.

Он хлопнул рукой по бедру, и продолжил:

– А этот «шарик» в диаметре чуть больше километра четырехсот метров. Тебе, Анатолий, ни о чем это число не говорит?

Раньше – год назад, в самом начале их беспримерной эпопеи – профессор Романов обиделся бы на это заявление. Может, даже вслух: «Почему это вы, товарищ полковник, с такими вопросами обращаетесь к простому трактористу, а не, к примеру, к профессору, который большую часть своей научной жизни занимался как раз систематизацией знаний? Пусть филологических, но все же!». Теперь же Алексей Александрович, не раз уязвленный, а позже просто пораженный остротой ума Анатолия; той самой смекалкой, о которой говорил почти забытый

Михаил Задорнов, повернулся к водителю с ожиданием очередного, быть может, парадоксального вывода. И Никитин оправдал его ожидание.

– Точно! – воскликнул он, в то время, как «Варяг» замедлился почти до критической скорости – прежде чем «нырнуть» в тень, отбрасываемую неопознанным (пока) летающим объектом, – если бы мы с вами, товарищ полковник, задумали поместить в шар наш город, он был бы вот таких размеров. Не больше, и не меньше.

– Действительно, в точку, – рассмеялся командир, не обращая внимания на «мы с вами» тракториста, – в этом шарике как раз город и расположен.

– Наш город?! – вскричал водитель, возбужденно делясь еще одной догадкой, – наша копия?!

– Ну, кто здесь чья копия, пожалуй, даже ты, Анатолий, не разберешь. Сейчас поднимемся, и оценим.

В сплошной поверхности шара вдруг проявилось темное пятно, которое практически мгновенно обернулось проемом прямоугольной формы. От него вниз протянулась аппарель, глубоко вонзившаяся в землю. «Варяг» осторожно заехал на эту дорогу, ведущую в неведомое. Внутри внедорожник с экипажем ждала поначалу большое, но совершенно пустое помещение. И опять тракторист блеснул догадливостью, опередив тугие струи воды, что вдруг набросились на «Варяг» со всех сторон; даже под днищем:

– Карантин, – торжественно объявил Анатолий, – минут пять можете отдыхать. Оправиться, или как там еще.

Он подмигнул профессору, и продолжил громче – так, что его насмешливые слова вполне могли достичь башни:

– Ну, или губки подкрасить. Это я тебе, Ирина Батьковна, говорю. Сдается мне, что скоро ты познакомишься сама с собой: точнее, с той, с кем уже говорила по рации. Не забыла?

Ильина не ответила; не только потому, что согласно Устава сейчас была обязана все внимание обращать на свой сектор наблюдения. Прежде всего потому, что не успела; раньше командовал полковник Кудрявцев:

– Пожалуй, и нам надо душ принять.

Это было командой; для всех без исключения. Тут и профессору не надо было объяснять – он такую картинку уже видел; когда в их родной Город явились гости-аборигены. И вот уже тугие водяные струи скорее ласково, чем безжалостно, окатывают гостей этого города.

– Это ощущение не случайно, – понял вдруг Алексей Александрович, – нас тут действительно ждут; нам тут рады! Вот он, например.

Водяной ливень, запах которого – острый, чуть пахнувший дезинфекцией – каким-то чудом пробивался сквозь камуфляж разведчиков, сменился не менее тугими струями теплого воздуха. А последние – беззвучным открыванием дверей и улыбающейся физиономией полковника Кудрявцева. Командир, вошедший в уже сухое помещение, отличался от стянувшего с головы шлем двойника лишь этим самым шлемом. Встань они рядом, и профессор...

– Нет, – все же признал он, – это не наш командир. Несколько месяцев, что эти два полковника провели в разных условиях, если не сказать, мирах, изменили их. У не нашего, пожалуй, глубже морщины у губ, глаза смотрят как-то... печально, что ли?

– Ну, здравствуйте, земляки.

Полковник шагнул вперед; перед ним оказался Толик Никитин, который почему-то издал какой-то невразумительный звук, и скакнул за спину своего командира, уже там продолжив бормотать что-то об эффекте бабочки, о схлопывающемся пространстве, и о... Профессор было усмехнулся, вспомнив, как тракторист бесстрашно шагнул в объятия своей копии из племени русов. Но то трактористы, а теперь в помещении было два командира! И два профессора Романова!!

Следом за полковником Кудрявцевым вошел второй профессор, тоже замерший в ступоре. Через пару долгих минут Алексея Александровича отпустило; он шагнул вперед с протянутой для рукопожатия ладонью и облегченным вздохом. Еще и потому, что в лице своей копии тоже разглядел вполне заметные различия. В том числе такие же скорбные морщинки.

– Ну что ж, – нарушил долгое молчание хозяин, полковник Кудрявцев-второй (своего командира Алексей Александрович решил называть первым), – давайте-ка знакомиться по-нашему, по-русски.

– За столом! – дуэтом воскликнули Толик Никитин и... второй Толик, которого ошарашенный профессор только что заметил.

– Правильно, – улыбнулся полковник, – посмотрим, чем сегодня нас Зинаида Сергеевна удивит.

Такое знакомое имя вызвало улыбки; прежде всего у Анатолия. «Нашего», – отметил профессор. Улыбка второго тракториста была бледной копией.

– Только уговор, – предупредил гостей полковник-второй, – в ее присутствии никаких шуточек. Особенно насчет доктора Брауна.

– Почему? – вырвалось все у того же Никитина.

– Потому что нет у нас больше доктора, – вздохнул Кудрявцев, – выпили.

– Выпили?! – ахнул Анатолий за всех гостей, – как выпили?!

– Гнус, – еще мрачнее нахмурился полковник, – туча вот такого гнуса.

Он сжал перед носом тракториста могучий кулак, и жестко добавил:

– Вот так же мы их потом и...

Пальцы сжатого кулака побелели; профессор невольно вспомнил, как перед пещерой тибетских лам сквозь эти сильные пальцы на камни тек песок раздавленного булыжника, и не позавидовал участи гнуса. Не пожалел, а именно не позавидовал; как и тем, кто наслал на город этих безжалостных кровопийц.

Потом было еще потрясение. У входа в цитадель, где, как и в родном городе, размещалась столовая, их ждали женщины. Среди них Таня-Тамара, с коляской. Профессор в замешательстве отступил за спины товарищей; вместе с Никитиным, кстати.

– Наверное, потому, – Алексей Александрович нашел в себе силы усмехнуться, – что рядом с Таней-Тамарой стоит Бэйла. Тоже с коляской. Последние, кстати, совсем другие – не как у нас.

Это обстоятельство заставило профессора успокоиться, и он шагнул в столовую – навстречу еще одному потрясению. Зину Егорову он бы не узнал – если бы прошел на улице мимо в двух шагах от нее. Черный платок на голове главной поварихи города подчеркивал неестественно белый цвет лица, и застывшую в глазах скорбь. Профессор в душе порадовался, что в этот рейд не включили доктора Брауна; что для команды разведчиков вполне хватало Светы Левиной.

– Да, – кивнули оба полковника уже после обеда (как всегда у Зинаиды Сергеевны, великолепного) в штабе, который в этом городе тоже занимал верхнюю часть цитадели, – вот такие проблемы и будут вылезать совершенно невероятным образом – каждый раз, когда наши два мира будут соприкасаться.

– Не спорьте, – осадил вскочившего было тракториста-первого его командир; его копия и Оксана рядом кивнули, – проблем будет немеренно. И чем дальше, тем больше.

Он покосился на Кудрявцеву, и продолжил:

– Мы с Александром Николаевичем (он усмехнулся: «Это я сейчас к себе, в том числе, обращаюсь!») этот момент уже обсудили в той Цитадели. И пришли к выводу, что это все входит в условия нового квеста. Так сказать, чтобы там, – он ткнул пальцев в потолок, – не было скучно.

– Какой квест? – с запозданием выкрикнул Толик-первый.

– Зачем-то ведь нас сюда прислали, – улыбнулся полковник-второй, – и если мы не выполним его, без проблем не обойтись. И не только у нас.

Только теперь Александр Николаевич (свой, родной) рассказал о Цитадели, о том, что, скорее всего, где-то ждут своей очереди выступить в этом «спектакле» еще два города, а значит – два полковника Кудрявцева, два профессора...

Алексей Александрович зябко повел плечами, и понимающе переглянулся со своим двойником, а потом – после вполне понятной паузы – и с Таней-Тамарой.

– И чем быстрее закончится этот «спектакль», – Кудрявцев сделал общий для двух полковников вывод, – тем быстрее разрешатся все наши проблемы.

– И начнутся новые, – неожиданно для себя пробормотал профессор.

Командиры остановили на нем взгляды, понимающе кивнули. А потом Кудрявцев-второй перешел к задачам. Точнее, он принялся ставить их – и своим подчиненным, и гостям. Его двойник кивал с столь же строгим выражением лица.

– Итак, – первое, – начал Александр Николаевич, – сейчас перегружаем в ваш «Варяг» римских детишек. Товарищ полковник (он кивнул двойнику) обещал решить эту проблему. Мы летим строго от солнца. Думаем, именно там находится город, чьим символом стали черные гнезда на столе Цитадели. Ваша задача – искать четвертый город. Судя по его символу, он вполне может быть на побережье. Там, куда вы и направитесь.

– Или в самом океане, – негромко вставил Анатолий (свой), – который, кстати, таит немислимое зло. Это нам аборигены рассказали.

– Может, в океане, – согласно кивнул уже первый полковник, – значит, и там поищем.

– А не лучше, товарищ полковник, вот на этом... поискать.

«Свой» Никитин, сидевший рядом с профессором, постучал ладонью по столешнице, явно имея в виду весь огромный шар.

– Не лучше, – отрезал полковник (тоже свой), – если ты имеешь в виду, что этот город, и весь шар может развить скорость, не сравнимую с нашим «Варягом», то здесь я поддерживаю Александра Николаевича – рисковать жизнями людей нельзя.

Физиономия тракториста выразила откровенное изумление: «Ну что может случиться с жителями внутри сферы, чьи стены не сможет пробить даже ядерный заряд?».

Второй Кудрявцев вздохнул, и объяснил – и ему, и остальным гостям:

– Сфера влетела в поле, защищающее Цитадель на самой малой скорости. Итог – один погибший. А если бы мы вот так сразу, с маху?

Алексей Александрович с содроганием вспомнил то непередаваемое чувство животного ужаса, в которое он окунулся, лишь только переступив черту защитного поля; Анатолий рядом тоже побледнел.

– Все, – встал Кудрявцев-второй, распорядившись здесь на правах хозяина, – дискуссии окончены. Мы, конечно, рады гостям, но... как говорил когда-то Джек Лондон; «Время-неждет!». Есть такое смутное ощущение, что надо спешить, друзья.

Как оказалось, два командира все продумали заранее. К тому времени, когда экипаж «Варяга» вернулся в свой внедорожник, в его прицепе, который все последние дни был домом для разведчиков, уже появились новые жильцы. Алексей Александрович сунулся ненадолго в этот уютный мирок. Не только из любопытства, но и преследуя вполне практические цели. Ведь он, профессор Романов, вел официальную хронику города; начиная с первого дня, с той самой фразы «Никому мы здесь не нужны», произнесенной им самим, и его товарищами еще в родном мире.

– Родном? – невольно усмехнулся он, – пожалуй, родной мир для меня теперь – Город. И не только для меня.

Он склонился над тельцем ребенка, лежащим на ближайшей кровати. Это походное ложе могло дать сто очков вперед самому навороченному матрасу того самого, покинутого навсегда

мира; в том числе производства фирмы «Аскона», который и послужил моделью, или прообразом первых образцов. Изготовленный из чудо-пластмассы, он учитывал не только анатомические особенности тела, которое намеревалось отдохнуть на нем, но и неосознанные желания организма; даже те, о которых этот «организм» и не подозревал. Профессор попытался заглянуть в глаза ребенка, и отшатнулся в ужасе. Те желания, к самому краешку которых успело прикоснуться сознание Алексея Александровича, не имело ничего общего ни с нейгой, ни с обычной расслабленностью уставшего тела.

Мозг сам, без всякой команды оторопевшего ученого проанализировал причудливую смесь эмоций, раздиравших два разума – детский, смертельно уставший, практически сдавшийся воле обстоятельств, и чей-то безгранично чуждый и злой; тоже почти смирившийся с неизбежной гибелью.

– Ну, уж нет! – выпрямился профессор Романов, обращаясь именно к первой, детской ипостаси юного римлянина, – его мы тебе не отдадим.

Сразу же пришло понимание; точнее узнавание – силу взрослого взгляда, сейчас приглушенную, почти побежденную каким-то снадобьем, или более могучей волей, он уже ощутил на себе. На плато, где злой воле, и оружию двадцать первого века американской команды капитана Джонсона противостоял татарский партизанский отряд.

И опять Алексей Александрович невольно поежился, вспомнив давний разговор в кабине «Варяга». Тогда, с подачи Толика Никитина, они с командиром пришли к единому мнению – к созданию нового мира, по крайней мере, его разумных обитателей, приложил руку профессор Романов. Знал ли об этом другой Алексей Александрович; тот, общение с которым было сведено практически к нулю? Наверное, знал. Не потому ли они – два бывших профессора Санкт-Петербургского университета, обменялись лишь парой коротких взглядов. Чувство вины, которое прочел в глазах своего двойника Романов, было обоюдным.

– Легкий наркотик из запасов местного шамана, – объяснила из-за спины Света Левина, ловко скользнувшая в дверцу прицепа, – это мне другая Света рассказала. После того, как эти... ребятишки голыми руками и зубами разорвали на части человека. Болотника, как называют их римляне.

В углу помещения шевельнулись две фигуры, до того бесстрастно наблюдавшие за вошедшими. Профессор уже знал, что это – высокопоставленные представители осколка римского мира; что среди детей, лежащих на кровати и бездумно уставившихся в потолок, есть и их ребенок. Прекрасно владея латынью, он мог сейчас поговорить с римлянами; быть может, даже узнал бы для себя что-то новое. Но заставить себя заглянуть им в глаза, ощутить еще раз потрясение – уже от родительской тоски, и ожидания чуда (в том числе и от него, профессора филологии) —Алексей Александрович так и не смог.

Глава 4. Анатолий Никитин. Три тракториста, три веселых друга

Анатолию было безумно жаль детишек. Тех, что спали искусственным сном в прицепе. Почему-то еще больше ему было жалко родителей – и тех, что сейчас дежурили вместе с четой Левиных в прицепе, и тех, кого обстоятельства, и обязанности перед племенем не отпустили из привычных болот. Может, потому он, стронув с места машину «Варяга», а вместе с ним и прицеп, воскликнул, поворачиваясь к Кудрявцеву:

– А что, товарищ полковник, махнем, не глядя, к побережью. Припасов хватит. А домой детишек привезем здоровыми, без всякой заразы.

– Вполне приемлемый вариант, – кивнул полковник, – но он противоречит нашему с Александром Николаевичем первоначальному плану. А планы, как вы понимаете, надо исполнять.

Анатолий не рискнул задать вопрос: «А что это за план, товарищ полковник?». Может, потому что надеялся, что командир не станет таить задачи на ближайшее время от своих помощников? Себя Никитин по праву причислял к этой когорте. И оказался прав – и насчет плана, и насчет помощников.

– Не буду скрывать нашей первоочередной задачи, – усмехнулся командир, явно ощутивший нетерпение и Анатолия, и профессора Романова с Марио, которые и располагались сейчас в комфортных креслах кабины, – от друзей, и самых надежных помощников у меня секретов нет. Как и у второго полковника, я думаю...

Он помолчал; потом его усмешка превратилась в широкую улыбку, в которой бывши тракторист все-таки прочел изрядную долю тревоги:

– А может, и третьего, и четвертого. Вот к ним, прежде всего, нам нужно попасть. Условно говоря, нам нужно спешить на помощь третьему городу, а ребятам на шаре – четвертому. А поскольку есть основания предполагать, что наша цель расположена где-то в океане, то мимо побережья; мимо племен мы никак не пройдем. Вот тогда и остановимся – и детишкам постараемся помочь, и вождей послушаем. Думаю, что за сотни лет что-нибудь да прибило к берегу. Что-нибудь такое, на что мы прежде не обратили никакого внимания, а что теперь может оказаться жизненно важным. Ну, и еще одна, не менее серьезная причина – почему нам необходимо сделать остановку дома. Догадываетесь?

У самого Анатолия были определенные мысли, связанные прежде всего с картинкой гигантского шара, который медленно поплыл в противоположную от курса «Варяга» сторону, и которого до сих пор можно было разглядеть в зеркала заднего вида кабины. Полковник, как оказалось, размышлял в том же направлении, но гораздо глубже.

– Вы вспомните, – шлепнул он ладонью по плечу профессора, – что бы обещали нашим боевым подругам? Оксане, Бэйле... Я лично обещал, что в следующий поиск обязательно возьму их с собой. А ты, Анатолий, предложил мне сейчас нарушить обещание. Нехорошо.

– Ну тогда, товарищ полковник, – не смутился Никитин, – нам сам бог велел поднять в небо и наш город. Только вот время... Сколько его понадобилось другому городу, чтобы «вырастить» вокруг себя шар таких размеров? Не думаю, что плантация пластмассовых деревьев у них больше. Или производительней.

– Правильно думаешь, – кивнул командир, – пожалуй, у нашей плантации урожайность даже выше; причем значительней. Нам ведь не нужно было копить энергию солнца; его в степи и так с избытком. Но в другом ты ошибаешься. Вернее, недодумываешь. Это на тебя так старые шаблоны действуют.

– Какие шаблоны?!

Анатолий нахмурил лоб, пытаясь вспомнить... Нет – разговоров о летающих городах не было!

– Зато были твои же предложения, – продолжил Кудрявцев, – помнишь – когда мы решали, как подняться на плато, где в первый раз столкнулись с капитаном Джонсоном?

– Помню! Тогда...

– Вот тогда ты и прожужжал нам все уши про воздушные шары. А потом – вспомни получше – сам же сказал, что это не обязательно должен быть шар, – полковник прикрыл глаза, и процитировал – слово в слово – давний разговор, – «... да хоть кубической формы. Теплый воздух внутрь, и через несколько минут мы наверху!».

– Вспомнил, – расплылся в улыбке Анатолий, – я тогда еще не успел сказать, что можно изобразить, и цилиндр, и конус, и пирамиду...

– А теперь и говорить не нужно, – это в разговор вступил профессор Романов, явно осененный мыслью, – пирамида у нас уже есть. Достаточно надежная, чтобы поднять в воздух и город...

– И слой грунта в пятьдесят метров под ним, – закончил за него тракторист, ничуть не обиженный на то, что Алексей Александрович раньше него озвучил очевидное, – пожалуй, у нас защитный слой пластмассы сейчас раза в три больше, чем в шаре.

– Ну, вот и определились, – рассмеялся довольный командир, – осталось «договориться» с куполом.

На это ни Анатолий, ни Алексей Александрович, ни Марио не отреагировали; поняли, что вопрос был чисто риторическим.

– Действительно, – лениво размышлял Никитин, стараясь, чтобы колеса «Варяга» точно вписывались в колею, оставленную ими же несколько дней назад, – если это получилось с шаром, почему не должно получиться с нашей пирамидой? Особенно учитывая, что товарищ полковник предусмотрел «обучение» купола новым опциям? Все у нас получится...

Возвращение домой Анатолий не назвал бы триумфальным. Он даже немного обиделся – и за себя, и (больше) за полковника Кудрявцева, который подробно доложил о рейде вечером того же дня, когда этот рейд закончился. Все – даже его обычно невозмутимая Бэйла – были возбуждены, но явно не от слов командира. Никитин недоумевал недолго; он наконец-то понял и какое-то равнодушие, сквозившее во внимании членов Совета, собравшегося на последнем этаже цитадели, и охватившее всех нетерпение. Кто-то из экипажа «Варяга» явно проговорился о ближайшем будущем, которое ожидало город, и его жителей. Перед перспективой отправиться в путешествие – пусть под защитой купола – померкли все удивительные известия, которые, наконец, закончил излагать полковник Кудрявцев. Он, как догадался тракторист, тоже прочувствовал нетерпение слушателей.

– Ну, вот и все, – сказал он будничным тоном, – если нет вопросов, можно расходиться. Время позднее. Детям (он бросил взгляд в угол комнаты, где из колясок за долгий рассказ не донеслось ни единого слуха – словно младенцы тоже заслушались) пора в свои кровати, да и взрослым тоже...

– Ничего не пора, – подступила к центральному столу штаба, где сидел командир, Оксана Кудрявцева, – она даже подперла бока руками, – рассказал тут красивую сказку, похвалился, и спать?!

– Ага, – не стал отказываться Александр Николаевич, – домой хочу, накатался.

– А мы хотим прямо сейчас увидеть, как наш город оторвется от земли!

– Да, Александр Николаевич, – это к израильтянке присоединилась Таня-Тамара, – да мы сегодня и не уснем. До утра ворочаться будем.

– Хорошо, – вдруг улыбнулся, и даже подмигнул женщинам полковник, – будет вам утро. Точнее, я хотел вам сказать – уже!

– Что – уже?! – ухватилась за его рукав Оксана.

Командир сделал неуловимое (по крайней мере, им, Анатолием, неуловимое) движение, и вот уже русская израильянка стоит в плотном, и нежном кольце рук супруга, а на обзорных экранах вспыхнуло солнце!

– Которое, – успел подумать Никитин, – никогда не заходит, но которое сегодня выглядит не так, как обычно.

А потом его грудь исторгла торжествующий вопль, который он с трудом услышал сам – так громко кричали рядом друзья. Купол, подвластный командам полковника Кудрявцева, поменял картинку на экранах. Теперь на город можно было смотреть со стороны. Смотреть, и видеть, как гигантская пирамида висит в воздухе – прямо над темным квадратным пятном посреди бескрайнего оранжевого моря травы.

– Котлован, – не сразу сообразил Анатолий, – то самое место, где раньше стоял город, и откуда в небо поднялись миллионы тонн грунта.

По спине пробежал холодок восторженного ужаса; воображение у тракториста было развито превосходно; лучше, чем у многих в этой комнате. Разве что сам полковник Кудрявцев мог понять его; прочувствовать тот гигантский вес, что подняла сейчас вверх энергия солнца, преобразованная общим разумом горожан.

– И моим тоже, – с гордостью отметил Анатолий, кивая в ответ командиру, явно «услышавшему» его чуть тревожные мысли.

Командир, наверное, с этим кивком отдал еще одну команду куполу, и темное пятно внизу, которое отображалось на одном из центральных экранов, начало расти.

– Нет, не расти – раздваиваться! – воскликнул про себя тракторист, – это же тень, что отбрасывал город на котлован, сдвинулась с места. А значит...

– Летим! Мы летим! – раздался чей-то ликующий крик, и Никитин присоединил свой громкий крик к общей радости, которая, наверное, выплеснулась наружу, за пределы штаба.

Потому что совсем скоро, когда Анатолий с Бэйлой все-таки спустился вниз, и вошел в столовую (оттуда доносился приглушенный шум голосов), оказалось, что там всюду идут приготовления к празднику, который в представлении Зинаиды Сергеевны означал прежде всего столы, ломящиеся от яств. В этом, кстати, Никитины были полностью солидарны с шеф-поваром города. Единственное, что несколько омрачило настроение Анатолия, была мысль о другой Егоровой; о той, что сейчас улетала в противоположном направлении в городе-шаре, и у которой, наверное, никогда не будет на лице улыбки.

– Вот такой, – решил Никитин, подходя вместе с супругой к Егоровой, и уже вслух, громко, как обычно, выплескивая на нее свое восхищенное изумление, – и когда ты только все это успела, Зин?

Этот вопрос тоже был из разряда риторических. Волшебству рук, и команд Зинаиды Сергеевны не нужно было удивляться; им нужно было пользоваться. Что Анатолий и сделал, заняв вместе с Бэйлой свое место за командирским столом. Там уже сидели профессор с Таней-Тамарой и Марио с Ириной. Не было только Кудрявцевых.

– А вот и они, – обрадовался Никитин; прежде всего тому, что тот промежуток времени, что разделил выбор тракториста самого лакомого, на его взгляд, кусочка нежного мяса летящего барана, лежащего в общем блюде от того момента, когда этот кусок окажется на его персональной тарелке, оказался таким незначительным.

И вот уже источающий изумительный аромат баранье ребрышко заняло свое законное место – в ожидании, когда прежде него в желудок ненасытного тракториста провалится внушительный глоток вина («Своейского, городского!»), а слух ублажит торжественный тост командира. Который, как оказалось, задержался, чтобы задать курс для дежурной смены...

Сам Никитин (вместе с Бэйлой) принял смену уже на подлете к побережью. «Рулить» громадиной купола оказалось ничуть не сложнее, чем «Варягом». Приблизив на одном из экранов картинку расстилавшейся под ними на расстоянии в полкилометра поверхности земли,

Анатолий даже разглядел давние следы колес внедорожника. Не в степи, где оранжевая трава уже приняла свой обычный вид, а на подходе (подлете) к горной гряде, отделявшей побережье от остальной части этого мира. Бэйла тем временем укрупнила картинку на другом экране. Там, далеко позади, показались какие-то темные точки. Вариантов здесь было несколько. Никитин предпочел бы, чтобы одним курсом с городом сейчас летело стадо баранов, или коров; тогда бы к тем подаркам, без которых, конечно же, не обошлись бы гости племен, добавилась свежая дичь.

Увы, этим надеждам не суждено было сбыться. Анатолий понял это, как только увидел лицо своей прекрасной половинки. Зрение у Бэйлы, бывшего израильского снайпера, и раньше было отменным; теперь же она могла разглядеть в прицел своего «Барретта» такие подробности, что Никитин только диву давался. Вот и сейчас она выдохнула, словно нажимала на курок снайперской винтовки: «Орлы!».

Тракторист, который сегодня был старшим по смене, тут же принял решение:

– Стоп машина!

И сам нажал на кнопку, отвечающую за плавное торможение летающего города.

Купол завис над самой вершиной горной гряды; Анатолий даже разглядел далекие фигурки аборигенов, которые вдруг замельтешили; начали исчезать – скорее всего в своих пещерах.

– Скорее всего, потому что увидели нас! – самодовольно подумал тракторист, поворачиваясь к двери.

В штаб стремительными шагами вошел командир. Ситуацию он оценил одним взглядом. А потом еще быстрее оказался у стола; полковник не присаживаясь (то есть, не сгоняя с места Анатолия, забывшего вскочить при появлении начальства) нажал на ряд кнопок – так стремительно, что Никитин не успел проследить за пальцами Александра Николаевича, понять, что за команды он сейчас отдает куполу. Но догадался, когда увидел, что не такая далекая уже стая вдруг посыпалась вниз, и в стороны. Анатолий был уверен, что железноперые птицы – какими бы злобными хищниками они ни были, сейчас верещат от ужаса, и от нестерпимой боли.

– Значит, – понял тракторист, – товарищ полковник раздвинул сейчас границы защитного поля города; еще, наверное, и раздвинул их вдоль долины племен. Это чтобы аборигены сдуру не подставили себя под «выстрелы» их железных перьев. Помнится, здешний Виталька, вождь русов, говорил, что никаких орлов, летающих смертельно опасные стрелы, и громадных ящеров здесь никогда не было. Ни с дубинками, ни с мечами.

– Товарищ полковник, – воскликнул он, пока все наблюдали за тем, как пернатые преследователи, на удивление быстро пришедшие в себя, растекаются вдоль границы защитного поля; буквально выстраиваются вдоль нее, – сдастся мне, что скоро и тираннозавры тут появятся. Может, пока не поздно, покончить с этими?

Он кивнул одновременно на окно, в котором было видно самое большое количество орлов, и одновременно собственной супруге – словно предлагал ей показать свое мастерство непревзойденного снайпера. А рядом еще стояли мало чем уступающие ей в искусстве стрельбы Оксана Кудрявцева и Ира Ильина.

– Откуда в тебе такая жестокость? – кажется, вполне серьезно спросил командир, – и тебе не жалко этих птичек?

– Не жалко, – насупился тракторист, – я, товарищ полковник, себе представил, что парочка из них прорвется сквозь защиту, и нападет вон на тех ребятишек.

Анатолий махнул в сторону далекой толпы аборигенов, среди которых были вполне различимы мелкие детские фигурки. Толпа, кстати, зашевелилась; скорее всего, люди там заметили летающий город.

– Хорошо, – лицо полковника тоже покинула улыбка, – а если я скажу, что эти летающие убийцы сослужат нам хорошую службу?

– Тогда да! – тут же изменил свое отношение к «птичкам» Анатолий; он прежде остальных понял, что командира сейчас озарило очередным предвидением, – только... надо бы на них «уздечку» крепче накинуть. Таковую, чтобы ни одна тварь не вырвалась.

– Уже накинул, – опять улыбнулся командир, – не вырвутся. Пусть пока подождут.

Теперь Никитин сравнил бы хищных орлов с голубями; такими, каких человек заточил в крепкую голубятню. Птицы металась в каком-то ограниченном пространстве, не в силах пробиться сквозь невидимые стены. Трактористу даже стало их немного жалко. Совсем чуть-чуть, но все же...

– Ведь это уже не враги, – подумал он, – союзники, хоть и поневоле. Знать бы еще, в чем.

Впрочем, внимание Анатолия Никитина, как и всех в штабной комнате, переключилось вперед – туда, где большая часть аборигенов разбежалась, размахивая руками. Он, кажется, узнал того, кто возглавил это позорно бегущее «войско».

– Точно! Жюлька, бывший вождь еврогеев! – воскликнул он, когда экран одним мгновением увеличил изображение, и его заполнило перекошенное от ужаса лицо аборигена.

– А это я... мы! – тракторист ткнул пальцем в другой экран, с которого на надвигающуюся гору летающего города смотрели немногие оставшиеся на месте хозяева долины.

Анатолий узнал бы, наверное, многих из них. Но сейчас он смотрел лишь на тех, кто своим обликом стопроцентно напоминал его самого.

– Посмотри на того, что справа, – дернул его за рукав камуфляжной куртки профессор Романов, – это вообще твоя полная копия. Даже ремень на поясе камуфляжа свисает... не буду говорить на что.

– Нет! – тут же заявила Бэйла, прищурившая правый глаз так, словно она целилась в копию своего ненаглядного в прицел снайперской винтовки, – этот парень не мой Анатолий. Заморенный какой-то, и не такой...

– Красивый, – хохотнула Ирина Ильина.

– Все, – командир положил конец дискуссии, превратившейся в обсуждение статей копии Анатолия, – садимся. Дежурной смене занять места согласно боевого расписания.

Никитин чуть помрачнел; согласно этого расписания он, как старший дежурной смены, должен был сейчас сесть за центральный стол, и уже оттуда наблюдать за происходящим.

– И руководить! – воодушевился он про себя, – точнее помогать товарищу полковнику. И наблюдать – вот в этих замечательных экранах.

Штаб опустел. Теперь в креслах сидели лишь четверо – супруги Никитины, и Виталик Дубов с Машей Котовой, которые сейчас по уставу должны были отдыхать – их смена началась через полтора часа. Но представить, что кто-нибудь сейчас на их месте смог оторваться от экранов, и отправиться в комнаты этажом ниже, где находилось помещение для отдыхающей смены, Никитин попросту не мог. Так что он кивнул сменщикам: «Садитесь поудобней!», – и нажал на кнопку, оживляя экран, на котором можно было видеть во всех подробностях историческую встречу двух цивилизаций.

– Или трех, – вслух поправил себя старший смены, фокусируя невидимую камеру на лице своего двойника.

Анатолий Никитин (а кто же еще?!) там уже явно пришел в себя; ловко втерся в круг высоких договаривающихся сторон. Он даже попытался встрять в разговор, на что полковник Кудрявцев, с некоторым недоумением отвлекшийся на двойника, как-то отстраненно улыбнулся, и махнул рукой в сторону громады города. Анатолию даже показалось, что он показал сквозь сотни метров, и толщу пластмассы именно на него.

Взгляд машинально остановился на часах – до сдачи смены оставалось всего пять минут; в зал уже вошла очередная пара дежурных, готовых сменить через положенные четыре часа

Машу Котову с Дубовым. Анатолий едва дождался, когда эти такие длинные минуты закончатся. А потом внешне неспешно проводил Бэйлу до дома, прижал к груди ребенка, вдохнув такой родной и сладкий запах маленькой Оксаны, и поспешил наружу. Туда, где сейчас творилась история этого мира. Пока без него – русского тракториста Анатолия Никитина. Может, это звучало слишком громко, с изрядной долей бахвальства? Сам Анатолий так не считал. И два его двойника, с которыми он столкнулся прямо на выходе из массивной подземной части летающего города тоже.

– А вот и ты! – воскликнул один из них, отличавшийся от второго (и от самого Никитина тоже) громадным ростом, и слишком хитрым выражением лица, – мы уже заждались!

– Что, уже начинается?

Анатолий не имел ни малейшего представления, о чем договаривались полковник Кудрявцев с местными вождями; но блефовать умел мастерски. Двойники на удочку поддались; махнули оба в сторону пещер с объяснением; вещал опять местный Тракторист:

– Магия Смерти дело непростое. Королеве амазонок нужно подготовиться. Да и нам тоже...

Он подмигнул теперь совсем хитро. Так в прежней, самой первой жизни Никитина подмигивал ему закадычный дружок в родной деревне – когда у него заводились деньжата на бутылку-другую. Анатолий даже устыдился; он даже забыл, когда в последний раз вспоминал ту жизнь, тех ребят и девчат (а теперь уже дедов и бабок) с которыми прожил такую долгую жизнь. А здесь, всего за какой-то год...

Громадный Тракторист не дал додумать.

– У нас есть половина круга, – заявил он, поворачивая две свои мелкие копии в сторону чернеющих недалеко зевов пещер, – как раз успеешь рассказать, что привело вас сюда...

– И как вы тут без нас жили, – добавил Анатолий, весь вид которого говорил о долгом изнурительном существовании.

Этот бывший тракторист (а трактористы, как известно – подобно ментам, или учителям – бывшими не бывают) тоже почуял что-то своим зашевелившимся хищно носом. Потому он и устремился за широко шагавшим местным парнем раньше Анатолия. А наш герой почему-то вспомнил сейчас Бэйлу с Оксаной-младшей, дом, в котором его ждали, и... рванул вслед за двумя новыми приятелями.

– Вот я сейчас им про дочку и расскажу. Надо полагать, что у Никитина-второго – того, что помельче – тоже где-то родилась своя Оксанка...

Он рассказал – после того, как Тракторист, построивший последний в истории племени русов танк, наполнил бокалы прозрачной жидкостью с таким знакомым запахом, и совсем по-русски чокнулся с заробевшими было гостями: «Ну, будем!».

Анатолий опрокинул в глотку двести граммов обжигающей жидкости, и ощутил, как когда-то очень давно, удар в голову; словно лягнула та самая летающая бешеная корова, молоком которой они сейчас «лечились». В голове зашумело, и в то же время восприятие окружающего мира стало острым, неожиданно ярким и впечатляющим. Никитин сейчас видел каждый камушек в полутемной пещере, тьму которой разгонял единственный факел; каждый волосок бараньих шкур, на которых они сидели. А еще его плечи буквально пригнула книзу – к тем самым камням и шкурам – вселенская печаль в глазах другого Анатолия. Лицо парня мрачнело, подобно небу перед штормом, по мере того, как тракторист летающего города рассказывал о перипетиях последних недель и месяцев – начиная с той минуты, когда Никитин, и все остальные оказались в этом негостеприимном мире.

– А я свою дочку так и не увидел, – наконец, вздохнул он так горько, что у Никитина невольно вырвалось:

– Рассказывай!

– Да, рассказывай!

В пещеру вошел и остановился сбоку от входа, пропуская внутрь спутников, полковник Кудрявцев. Рядом с ним один за другим возникали фигуры местного вождя, гигантской копии дружка – Витальки Дубова; профессора Романова, королевы амазонок, в которой тракторист признал свою Бэйлу, немного постаревшую, но все такую же прекрасную. Наконец, в пещеру вошла, не сгибая головы, как местные великаны, и командир, тоже отличавшийся немалым ростом, его ангел-хранитель, Бэйла Никитина. Оксана-старшая тоже была здесь.

Анатолий, попытавшийся вскочить уже при виде командира, сделал еще одну попытку – тоже неудачную. Молоко бешеной коровки, наполнившее тело свежестью и легкостью, а голову необычайной ясностью ума и остротой всех пяти чувств, напрочь отняла все ниже пояса. Тракторист едва не замычал от бессилия; и от подступавшего чувства стыда. Не от самого факта распития местной «водки» – никто, в том числе собственная супруга не запрещала ему этого делать в свободное от общественных дел время. Нет – просто он, как когда-то давно, принялся оправдываться перед собой: «А что, нельзя?! Даже одного стаканчика?! Имею право после рабочего дня...». И это воспоминание унижало горше, чем укоризна в глазах командира, и улыбка на устах любимой женщины.

– Улыбка! – Бэйла улыбалась совсем не зло, или обличающее.

Скорее понимающе; словно говорила: «Вижу, что из лап этих монстров невозможно было вырваться».

«Монстры», кстати, тоже пытались вскочить на ноги; так же безуспешно.

– Сидите уж, – махнул сразу всем Александр Николаевич, одним движением оказываясь между Анатолием и местным Трактористом.

В его руках уже был каменный стакан, в который, как уже убедился Толик, вмещалось не меньше двухсот граммов жидкости.

– Наливай и мне, – командир протянул «стакан» хозяину меха, в котором плескалось еще не меньше пяти-шести литров «молока», – кто-нибудь еще будет?

Те самые обострившиеся чувства позволили Анатолию каким-то непонятным образом распознать сложную гамму чувств сразу у всех столпившихся на входе гостей – добрую усмешку и ожидание очередного чуда «от полковника Кудрявцева» у всех трех представительниц прекрасного пола; некоторое смятение, вызванное желанием присоединиться к эксперименту Александра Николаевича, и вполне понятную опаску профессора Романова; наконец, резкое отрицание, и почти страх, промелькнувший в глазах вождя племени русов. Все пятеро дружно замотали головами.

– Ну, тогда присаживайтесь, – предложил-скомандовал командир, – я так понимаю, рассказ будет долгим?

Это он обращался к Анатолию, которого, как уже знал городской Никитин, совсем недавно выловили из моря. Тот судорожно кивнул.

– Успеем до Ритуала? – полковник повернулся теперь к королеве амазонок, которая привычным движением опустила на шкуру по правую сторону от Никитина.

Родная жена села почти так же грациозно с левой стороны, не забыв «ласково» ткнуть супруга в бок – чуть выше той линии, под которой тракторист ничего не ощущал.

– Без нас не начнут, – усмехнулась амазонка; командир в это время длинными глотками осушал каменный сосуд.

Он перевернул его (совсем так же, как когда-то пластиковую бутылку из-под поддельного «Хеннеси»), крикнул, подмигнул сразу всем трактористам, и сказал; одному из них:

– Вот и хорошо. Давай, Анатолий Николаевич, рассказывай.

Глава 5. Анатолий Никитин-второй. Остров в океане

Анатолий успел бросить взгляд кверху – туда, где за окрестностями наблюдала самая прекрасная женщина во Вселенной – его Бэйла. Ему даже показалось, что он разглядел ее сквозь пятьдесят метров, отделявших панорамные окна верхнего этажа цитадели от площадки перед ней; увидел, а скорее, представил себе, как она раскрыла рот в громком предупреждающем крике. Рука сама, без команды, рванулась назад, натягивая на голову шлем, и отрезая тракториста от окружающего мира. От площадки, на которой замерли в недоумении и подступающем ужасе самые близкие люди – командир, его Оксана, профессор, Левины, и многие другие. Все, кто выскочил из цитадели, чтобы разделить с полковником Кудрявцев радость победы над Спящим богом. Первым подал голос крупный щенок, копия своего отца – погибшего минуты назад Малыша. Его лай был злым, остервенелым; он смог заглушить грозный и всеобъемлющий рокот волны, которая уже занимала собой половину горизонта, и готовилась обрушиться на город, на цитадель, на него – Анатолия Никитина!

Первой мыслью тракториста было броситься назад, к распахнутым дверям цитадели, в которой – он был уверен – можно было спрятаться от любой опасности. Еще мелькнуло, и растаяло, как бесперспективное, желание броситься на помощь ближайшей женщине, или ребенку – несколько малышей тоже выскочили наружу на волне общей радости взрослых, забывших о безопасности.

– Бесперспективное, – шептал в голове кто-то бесконечно далекий, но точный в своих определениях, – потому что времени нет; потому что волна уже падает.

Никитин успел сделать единственное, что было возможно в такой ситуации; скорее тело среагировало само – вслед за стремительным движением командира, который подхватил на руки Оксану, для которой сам же изготовил специальный «беременный» комбинезон, и вжался вместе с ней в ступени лестницы, ведущей к входу на площадку. Тракторист упал где стоял – двумя ступенями выше, чем командир с женой – и закрыл глаза. Ожидание страшного, смертельного удара, было недолгим. А мысль о том, что комбинезон, изготовленный из чудо-пластмассы, может выдержать и не такие нагрузки, пришла с опозданием. Когда его, нелепо размахивающего руками-ногами, пронесло мимо цитадели, ударив о ее край, и погнало на гребне волны в неведомую даль.

Анатолий действительно «оседлал» волну. В первые мгновения этого полета он даже успел восхититься своим неожиданно обретенным мастерством. Все тот же холодный голос в голове тем временем комментировал, не останавливаясь:

– Накрыло все; даже верхушку цитадели. Вижу тела... кажется, пытаются выгрести. Кто? Непонятно... Еще вижу что-то черное, и громадное, надвигающееся вслед за волной...

В следующее мгновение все – и этот самый голос, и обретенное «мастерство», и сам Анатолий стремительно полетели вниз – в яму, которая образовалась между двумя гребнями волн. Это не было смертельным; камуфляж обладал автономией в несколько часов. Гораздо неприятнее было то, что в глубине эта часть моря, или океана, напоминала взбесившуюся стиральную машину. Потом его выбросило наружу, как пробку. Но лучше бы этого не случилось! От той черной громадины, что возвышалась своими бесформенными очертаниями даже над мелькнувшим на мгновение изумрудным шпилем цитадели, вдруг принесло жуткий вопль, который легко пробился даже сквозь защиту шлема, и заставил тракториста в ужасе схватиться ладонями за твердый шлем – как будто это могло помочь прикрыть уши. Казалось, весь океан замер в ожидании вселенского катаклизма; даже в небе, затянутом низкими грозowymi тучами, этот вопль прорвал внушительную прореху. Из нее в глаза теряющего сознания Никитина брызнуло щедрой порцией солнечных лучей; жарких, и совсем не ласковых. А потом визг в голове, сравнимый децибелами с сотнями бензопил «Дружба» – когда она вгрызается цепью в неподатли-

вую сухую древесину – достиг такой высоты и силы, что человеческий мозг просто не в состоянии был вынести ее. Анатолий отключился...

Сознание возвращалось медленно, вместе с монотонными резкими толчками. Нет – не сердца. Этот жизненно важный орган если и мог куда-то спрятаться из грудной клетки, так это в пятки – после пережитого ужаса. Но никак не в макушку, защищенную шлемом. Толчки, между тем, ощущались именно этой важной частью тела.

– Не менее важной, чем то же сердце, – вяло пробилась первая мысль, – учитывая, что я в нее ем!

Анатолий резко свел ноги, пытаясь принять позу эмбриона, и тем самым хоть немного приглушить свербящую боль в желудке. Какими бы незначительными ни были повреждения организма, заключенного в непробиваемую камуфляжную броню, они сейчас требовали калорий, и еще раз калорий. Тех самых, что в организм вносят деликатесы Зины Егоровой.

– Вносили! – Никитин вспомнил все, и матюгнулся.

И от невозможности оказаться среди своих; помочь тем, кто нуждался в помощи больше него самого, и по той причине, что свернуться в клубок не получилось. Коленки уперлись во что-то жесткое, скорее всего, в подножие камня, о который и билась его многострадальная макушка. Следующим движением Анатолия был молодецкий прыжок, заставивший тело буквально взлететь на этот камень; на сушу, где ничего не напоминало ему о городе, о товарищах. Но это была суша! Он одним резким рывком содрал с себя шлем, и тут же едва не застонал – к боли в желудке прибавилась нестерпимая резь в глазах. Солнце и тут, на суше, было немилосердно ярким, бьющим наотмашь кулаком солнечных лучей – совсем как в мультике «Ну, погоди!». Анатолий ничем волка из мультфильма не напоминал. Разве что тем, что и ему сейчас грезилась совершенно фантастические картинки. Вокруг поражало своим буйством нагромождение камней самых разных размеров и форм; крупные были не меньше его «Беларуси». Этот хаотичный бруствер охранял от волн, которые – помнило тело и разум тракториста – могли достигать высоты цитадели, в которой было почти пятьдесят метров, еще более буйные заросли какого-то неестественного цвета.

– Мандаринового, – вспомнил Анатолий известную песню из своей первой жизни.

Лучше бы он не делал этого! Ярко-оранжевый плод, мгновенно всплывший в памяти отчетливой картинкой, и ощущением свежей сладости во рту, взорвался в животе новым приступом боли. Никитин сам не заметил, как преодолел кучу камней, поставившую бы в тупик самого опытного альпиниста, или паркурщика. И все с одной, вполне осознанной целью – найти в зарослях что-то съедобное, и вонзить в это «что-то» зубы. Контроль за собственным сознанием и организмом удалось вернуть, только когда на камуфляж действительно закапали крупные капли неведомого плода, который он сорвал с низко висящей ветки. Что это было за дерево?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.